

16 фев. 1979 г.

Ростислав ПЛЯТТ:

СПРАШИВАЕМ —
ОТВЕЧАЮТ...

«РОМАНЫ»

с ролями

НЕДАВНО культурная общественность страны широко отметила семидесятилетие и юбилей народного артиста СССР Ростислава Яновича Плятта. На сцене, в кино, на телевидении и радио, в многочисленных грамзаписях им создано огромное количество неповторимых и все-таки при этом всегда особых, пляттовских характеров — еще бы, ведь без малого полвека встречается актер со зрителем. Какие же из этого бесконечного ряда ролей наиболее памятные и дороги самому артисту?

— Я считаю себя счастливым актером — все, что сегодня играю у нас в Театре имени Моссовета, я играю с удовольствием. А это, к сожалению, бывает не всегда. Вы же понимаете, что порой нужно сыграть для театра, по дисциплине, поступаясь личными интересами. Но вот в данный момент все, что я делаю на театре, греет мне душу. Это прежде всего спектакль «Шторм», который хоть и довольно-таки редко идет, но является политическим флагом театра, его знаменем. Пьеса посвящена героям гражданской войны, людям, которые умирали за то, чтобы мы с вами жили. Мне досталась роль старого ленинца, большевика Раевича. Мой герой — фанатик революции, вернувшийся из-за границы и сразу включившийся в борьбу за становление Советской власти. Его нельзя играть не окрыленно. Кроме того, в моем репертуаре, если говорить о пьесах советских драматургов, имеется очень странная роль, которая называется ПДП, а именно: Постоянно Действующий Персонаж. В лирической комедии о москвичах Валентина Азерникова «Возможны варианты» мой герой — связующее звено между зрительным залом и действующими лицами. Я встраиваю в некоторые сцены, совершенно мало перевоплощаясь: то являюсь зрителем дома, то врачом-логопедом и так далее. Это любопытно, весело, здесь есть возможность опробовать юмор, улыбнуться и рассказать о жизни москвичей что-то приятное и лирическое. Кроме того, я играю в двух западных пьесах. Одна — «Дальше — тишина» — только что прошла по телевидению. Американская писательница Дельмар рассказывает о двух стариках, сумевших сохранить любовь друг к другу на всю жизнь. Мне нравится в образе Барклея Купера нести в зал чувство именно такой любви. Эта тема, может быть, не модна среди нынешней молодежи, но тем не менее она вечна. И затем играю в пьесе Питера Устинова «На полпути к вершине». По жанру я бы назвал ее философской трагикомедией, потому что смысл тут в распаде мира буржуазной семьи, в судьбе генерала, некоего Фицбаттресса, потерявшего всякую веру в возможность порядочной жизни в собственном обществе. Роль полна противоречий, юмора, всяческого буйства и неожиданностей. Поэтому играть ее чрезвычайно интересно.

Но мне хочется рассказать о моих трех «романах» с ролями, которые, к сожалению, в моей жизни больше не повторялись. Называю я их «романами», потому что они глубоко взволновали меня и повлияли на всю последующую деятельность. В Ростове, где в то время работал Театр имени Моссовета, мы поставили пьесу Леонида Андреева «Дни нашей жизни». В спектакле я сыграл роль резко отрицательную, некоего Эдуарда фон Ранкена, страшного человека со сложным характером. Но, как ни странно, я этого мерзавца любил нежно, как своего ребенка. Объясняется это тем, что именно тогда впервые почувствовал, как глубоко я влез в «шкуру» роли. И когда это удается сделать, то чувствуешь себя необычайно творчески наполненным из-за сложности и трудностей такого процесса. И мне показалось, что

впервые (а я в то время уже 10 лет работал на профессиональной сцене) этот фон Ранкен принес мне ощущение полного слияния с образом, который мне хотелось воплотить. Это как раз и был первый «роман» с ролью.

Второй же относится к весне 1941 года, когда в Театре имени Ленинского комсомола, где я тогда работал, Иван Николаевич Берсенева в полтора месяца поставил замечательный, как выяснилось потом (ведь когда делаешь, этого не знаешь), спектакль по пьесе молодого Константина Симонова «Парень из нашего города». Мне досталась сверхположительная роль обаятельнейшего, застенчивого, душевного, любящего без взаимности одну девушку хирурга Аркадия Бурмина. Жизнь моего героя кончается трагической смертью от вражеской пули. Так вот: образ Бурмина — это поворотный пункт во всей моей сценической биографии, это первая положительная роль за все предшествующие годы моей работы на сцене.

И, естественно, она пробудила желание пробовать себя в этом качестве и дальше (хотя я всегда считал и считаю, что роль хороша или плоха не потому, что ты играешь положительного героя или отрицательного), но так уж как-то сложилось, что до того времени я был актером одного профиля. Теперь же я полноправно вступил в лагерь положительных персонажей и очень благодарен Симонову за то, что при его участии мне досталась эта роль.

Третий же случай относится к 1944 году, когда мы всем театром ставили юбилейный чеховский спектакль, состоявшийся из нескольких его рассказов. Я был занят в рассказе «Тапер». В сущности, это двадцатиминутный монолог героя, прерываемый несколькими репликами партнера, монолог студента консерватории Петра Рублева. Мой герой был полон слухов о том, что он даровит, приехал в Москву, надеясь стать композитором, и, конечно, великим, учился в консерватории, но судьба не сложилась, и он стал тапером, играющим на купеческих свадьбах. Это был вопль несостоявшегося таланта, это была своеобразная исповедь перед публикой. Вот те три случая, которые я и называю своими «романами». Надеюсь, что я дотяну и до какого-нибудь четвертого «романа».

— Ростислав Янович, ваша творческая биография богата ведь не только обилием сыгранных ролей, но и встречами с крупнейшими мастерами сцены и экрана, мастерами, которые были вашими партнерами в работе.

— Существует такое наивное мнение, что чем хуже партнер, тем выгоднее для тебя: ты на фоне небогатой игры выигрываешь. Это, конечно, полная чушь потому, что именно партнер тебя поднимает и только в полном общении с ним достигается настоящая жизнь на сцене или на экране. Мне в этом смысле очень везло: во-первых, я вырос в театре единомышленников и почти вся моя жизнь прошла с одним режиссером — с Ю. А. Завадским. Это, несомненно, актерское счастье. Во-вторых, много лет постоянными моими партнерами были лучшие актрисы страны — Вера Петровна Марецкая, Любовь Петровна Орлова и Фаина Георгиевна Раневская. Всю жизнь, а особенно в последние годы, меня окружали актрисы такого ранга, и

вы понимаете, как я много брал у них, как многому учился и как мне трудно теперь, когда ушли от нас Вера Петровна и Любовь Петровна. Что касается Раневской, то сегодня мы с ней играем, как я уже говорил, влюбленных друг в друга мужа и жену — Барклея Купера и Люси Купер в спектакле «Дальше — тишина».

Многие думают, что мой «творческий роман» с Раневской начался с фильма «Подкидыш». Но самое смешное, что мы в этом фильме ни разу не увидели друг друга: у меня был один объект съемок, у Фаины Георгиевны — другой. «Подкидыш» знаменит тем, что популярность Раневской-киноактрисы начинается именно с этого фильма. Но, к сожалению, знаменитую фразу «Муля, не нервнирай меня» (которая впоследствии стала крылатой) Фаина Георгиевна обратила не ко мне, а к Петру Петровичу Репнину — он в фильме играл забитого ее мощным темпераментом мужа. Да, П. П. Репнин — прекрасный старинный актер, который начинал свою деятельность вместе с советским кинематографом... Дальше мы встретились с Раневской в фильме «Слон и веревочка» на студии «Детфильм», где играли вместе с юной Наташей Защипиной. Тогда Наташе было 7 лет, но уже по тому, как она себе выхватывала лучшие фразы сценария («Это будет говорить тетя Фаина, а вот это буду говорить я», — командовала юная партнерша), мы поняли, что она-то уж актрисой станет. Теперь же Наташа — заслуженная артистка республики. Да, так вот там мы встретились с Фаиной Георгиевной, но опять почти не виделись. Только в одном кадре мы мелькнули, глядя друг на друга. А уже в кинофильме «Весна» я приблизился к женатому положению. Когда Раневская спрашивала моего Бубенцова, который пытался за ней ухаживать: «Что вам во мне нравится?», мой герой отвечал: «Ваша жилплощадь». Вот это уже было близко к браку, который наконец состоялся на сцене Театра имени Моссовета в совершенно некомедийном спектакле «Дальше — тишина».

Я хочу также упомянуть добрым словом своих товарищей по театру — Н. Д. Мордвинова, Б. Ю. Оленина, О. Н. Абдулова. Вот актерами какого ранга я был окружен! И поэтому, размышляя о своей судьбе, благодарю ее за эти встречи.

— Ростислав Янович, после стольких встреч со столь даровитыми и самобытными мастерами как вы понимаете определение «современный актер»?

— Это хороший актер, потому что плохой просто не способен на те качества, которые необходимы актеру, претендующему на звание «современный». Сейчас у нас появились новые термины — «думающий», «мыслящий». Мне эти определения кажутся немножко наивными, потому что есть и всегда были и актеры думающие, и балаболки, которые «трещали», как попугай, выученный текст. Актер должен слышать пульс эпохи, находиться в курсе происходящих событий как в мире, так и в своей родной стране. Это качество делает его современным. Также чуткий и восприимчивый человек, который слышит сегодняшнюю лексику, сегодняшнюю манеру людей общаться, конечно, сообразит, что в современной пьесе нельзя говорить так, как произносили монологи в спектакле, скажем, в начале века.

Чувствуя жизнь, можно играть так, что, по-моему, не нужны будут никакие режиссерские подсказки. Причем я не путал бы здесь два разных понятия. Во-первых, когда-то (к счастью, это поветрие уже сошло со сцены) у актеров появилась некая «современная» манера речи, которая выражалась в неразборчивом разговоре артистов. На первый взгляд вполне правдоподобном, но совершенно неприличном для театра. Потому что мастерство актера должно быть всегда при нем и уважение к зрителю — тоже. Конечно, можно говорить сегодняшним, но обязательно доходчивым и слышимым зрителью языком. Во-вторых, существует мнение, что современный актер не «рвет страсть в ключья», как это раньше говорилось, что он обязан сдерживать свои эмоции и что он почти «невзрывающийся». Но ведь и сегодня во всем мире люди тоже страдают, плачут, кричат, и громко кричат, — значит, и это надо уметь делать, и на это надо откликаться. Поэтому «современным» я называю хорошего актера, так как только он способен воплотить в образ все мысли и чувства современников.

— И под конец, Ростислав Янович, традиционный вопрос о планах. Какие работы вас ждут, с какой ролью у вас может возникнуть новый «роман»?

— Сейчас я загружен всяческой работой. В театре репетирую в пьесе драматурга С. Алешина, условное название которой, а может быть, оно и останется — «Тема с вариациями». Никогда не любил рассказывать содержание пьесы: потом будет неинтересно. А вообще, она о судьбах трех людей, живущих в столице. На телевидении только что закончил озвучение фильма, в котором снимался летом. Действующие лица — в основном сотрудники атомной электростанции. Фильм называется «Спор о конечной цели». Если говорить о радио, то я заканчиваю запись тыняновского «Подпоручика Кижже». Работа очень интересная для меня. А на телевидении только приступаю к инсценировке романа Диккенса «Тайна Эдвина Друда». Сегодня все чаще и на сцену, и на экран выходят произведения, рожденные прозаиками. И, я думаю, вполне вероятно, что мой четвертый «роман» будет связан именно с прозой.

Беседу вела
Татьяна ПЧЕЛКИНА